

УДК 82.091
DOI 10.17223/18137083/72/11

Изучение современной русской женской прозы в китайской русистике

Чжао Сюе¹, Ю. А. Говорухина^{2,3}

¹ *Сычуаньский университет
Чэнду, Китай*

² *Сибирский федеральный университет
Красноярск, Россия*

³ *Филиал ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия»
Калининград, Россия*

Аннотация

Анализируются актуальные рецептивные установки китайского профессионального читателя, которые определяют интерпретацию и оценку современной русской женской прозы. Авторы приходят к выводу, что «мягкий» китайский феминизм является важным рецептивным контекстом, который проявляется в стремлении китайского читателя увидеть гармоничные межполовые отношения в прозе писательниц, высокой оценке типа «святой» в персонажной сфере прозы. Не менее актуальными являются установка на преемственность в литературе, а также установка русистов как «интерпретационного сообщества» на национально-специфическое прочтение инокультурных текстов.

Ключевые слова

современная русская женская проза, китайская русистика, рецепция, китайская женская литература, преемственность, рецептивная эстетика

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке Фонда фундаментальных исследований для центральных университетов Китая: «Проект самостоятельных исследований 2019 года – иностранные языки 15» Сычуаньского университета

Для цитирования

Сюе Чжао, Говорухина Ю. А. Изучение современной русской женской прозы в китайской русистике // Сибирский филологический журнал. 2020. № 3. С. 142–155. DOI 10.17223/18137083/72/11

Modern Russian female prose in Chinese Russian studies

Zhao Xue¹, Yu. A. Govorukhina^{2,3}

¹ *Sichuan University
Chengdu, China*

² *Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

³ *Military Educational and Scientific Center “Naval Academy”,
Branch in Kaliningrad
Kaliningrad, Russian Federation*

Abstract

Chinese literary scholars studying Russian literature come to a conclusion by the end of the twentieth century that its history has many “white spots.” Thus, efforts are made to fill

© Чжао Сюе, Ю. А. Говорухина, 2020

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2020. № 3
Siberian Journal of Philology, 2020, no. 3

the existing lacunas, and one of them is the modern Russian female prose. The paper analyzes the Chinese reader's receptive attitudes determining the interpretation and evaluation of the works of Russian women-writers. One reason for the interest in Russian female literature is the "women's issue" relevance in China. "Soft" Chinese feminism is a receptive context defining the text interpretation. In the Russian literature scholars' works, it is manifested in the desire to see harmonious intersexual relations in the Russian women-writers' prose, in a high assessment of a "holy" type in the character sphere. The Chinese reader highly appreciates overcoming the male-female opposition, searching for forms of dialogue, and imagining a harmonious family. Continuity is a relevant cultural receptive attitude of the Chinese reader, the link with tradition being a significant criterion for evaluating a phenomenon. Chinese scholars note that female literature continues the realistic tradition of telling about the social "bottom" and "little man," thereby provoking the reader's interest. Russian female prose is the "young" object in Chinese Russian studies. The Russian philology specialists are looking for linguistic "connectors," e. g. themes and a typology of heroes, to see the phenomenon as a whole. Chinese specialists focus on the themes of survival, love, and family. The hero typology includes such types as the "new Amazons," playing women, saints.

Keywords

modern Russian female prose, Chinese Russian studies, reception, Chinese female literature, continuity, receptive aesthetics

Acknowledgments

Supported by the Fundamental Research Funds for the Central Universities of China: "Self research project 2019 – foreign languages 15", Sichuan University

For citation

Xue Zhao, Govorukhina Yu. A. Modern Russian female prose in Chinese Russian studies. *Siberian Journal of Philology*, 2020, no. 3, p. 142–155. (in Russ.) DOI10.17223/18137083/72/11

История знакомства Китая с русской литературой начинается с первых десятилетий XX в. Главным объектом рецепции (как филологической, так и художественной) становятся в это время классические произведения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова. Далее на протяжении XX в. интерес к русской литературе переживал взлеты и падения, периоды идеологически спрямленной рецепции и «перечитывания». К концу XX в. китайские русисты осознают, что история русской литературы, увиденная их глазами, имеет множество «белых пятен»: художественная практика Серебряного века, неофициальная литература (андеграундная, запрещенная, эмигрантская). Это осознание определило одну из главных установок китайской русистики начала XXI в.: заполнение существующих лакун и недопущение новых. Она не потеряла своей актуальности и сегодня, проявилась в ходе новейших научных конференций: «Междисциплинарное исследование русской литературы и искусства» (Чжэцзянский университет, 2016, 2018); «Русская литература: традиция и современность» (Пекин, 2010); «Русская литература и культура на фоне глобализации» (Сианьский университет иностранных языков, 2015).

Одна из лакун, которую активно заполняет современная китайская русистика, – русская женская проза. Подтверждают это монографии и статьи, посвященные как явлению женской литературы, так и персоналиям: «Изучение современной русской женской прозы» Чэнь Фан, «Современное русское феминистское движение и женское повествование в литературе» Чжан Цзяньхуа, «Современная русская феминистская литература» Дуань Лицзюнь, научные конференции, тематика которых включает данный аспект («Междисциплинарное исследование русской ли-

тературы и искусства», «Русская литература и культура на фоне глобализации» и др.), переводы произведений Л. Улицкой, О. Славниковой, Т. Толстой, Л. Петрушевской.

Факт интереса китайской русистики к женской прозе еще не был осмыслен в русском литературоведении. Эта тема предполагает целое поле проблемных вопросов, нуждающихся в прояснении:

- каковы причины интереса китайского читателя к русской женской литературе;
- какова специфика китайского прочтения современной русской литературы и женской прозы в частности;
- имеют ли место искажения, примеры «вчитывания» в процессе читательской рецепции;
- каковы причины выбора тех или иных русских писательниц в качестве знаковых имен русской женской литературы.

Решение данных вопросов требует адекватного предмету методологического основания. На наш взгляд, таким основанием может стать комплексный подход, который включает положения сравнительного литературоведения, допускающего частичную трансформацию воспринимаемых текстов в соответствии с национальной культурной ситуацией и традициями; концепцию диалога, в частности идею двойного направления диалога (М. Бахтин), позволяющую осмыслить русскую литературу как культурное образование, которое обладает потенциалом диалога, порождает отклик; методологические положения рецептивной эстетики, акцентирующие механизмы рецепции, смыслообразования, допускающие, что литературное произведение «возникает» только в процессе «встречи» с читателем, обладает динамической системой потенциалов смыслов. Процесс рецепции неизбежно сопряжен с частичной трансформацией воспринимаемого текста, что делает возможным и перспективным исследование образа русской литературы в «горизонте ожидания» китайского читателя, который определяет направление интерпретации и оценки русского текста. Не менее важен для нас и историко-функциональный подход к изучению критических текстов, теоретические положения которого сформулированы В. Н. Крыловым [2012; 2019].

Исследования китайских русистов, посвященные русской женской прозе, дают возможность создать портрет китайского профессионального читателя, вычленив такие рецептивные установки, которые определяют интерпретацию и оценку произведений писательниц.

«Мягкий» китайский феминизм как рецептивный контекст

Китай рубежа XX–XXI вв. переживает волну интереса к современной русской женской литературе. Нередко именно она оценивается китайскими учеными как важнейшая часть современной русской литературы. Так, по мнению Чжан Цзяньхуа, современная русская женская литература заняла доминирующую позицию в русской литературе, «образовалась мощная волна женской прозы. Она качественно изменила русскую литературу. Поэтому изучение современной русской женской литературы становится необходимой частью исследования современной русской литературы и культуры» [Чжан Цзяньхуа, 2014б, с. 119].

На наш взгляд, причиной повышенного интереса китайского читателя к современной русской женской литературе является также актуальность «женского вопроса» в Китае на рубеже XX–XXI вв. Процесс феминизации в Китае – результат рецепции идей западного феминизма, распространение которого сопровождалось

преобразованием отдельных идей, а именно смягчением ведущих феминистских посылок. Отсюда и номинация «мягкий феминизм».

По сравнению с западными феминистскими моделями китайскому феминизму присуще мягкое отношение к мужчине / мужскому. Пара «женщина – мужчина» не предполагает крайних значений. По словам Чэнь Чжихун, в ней «нет запаха пороха» [Чэнь Чжихун, 2005, с. 135].

«Мягкий» феминизм проявляется в женской китайской литературе, специфическая черта которой – идея межполовой гармонии. Писательница Те Нин в книге «Дверь розы» пишет: «Когда я обращаюсь к женской теме, стараюсь освободиться от женского угла зрения. Мне хочется пользоваться точкой видения “третьего пола”, или парасексуальным взглядом, чтобы всестороннее и глубоко понять реальную жизненную ситуацию женщины» [Те Нин, 2003, с. 1–2]. Другое проявление «мягкого» феминизма в китайской литературе – акцент на ценности человека и развитии его социального сознания. Присутствие социальной проблематики в женской прозе, неограниченность сугубо женским миром – важный критерий оценки произведения для китайского читателя.

Итак, китайский читатель воспринимает женскую русскую литературу под углом «мягкого» феминизма. Это объясняет важность для него изображенных в тексте фактов преодоления оппозиции «мужское – женское», поиска форм диалога, изображения счастливой гармоничной семьи. Высоко будут оцениваться факты преодоления границ собственно женской проблематики в сторону исследования социального сознания женщины.

Так, Чэнь Фан замечает в эволюции русской женской литературы продуктивный отказ от деконструкции, породившей «новых амазонок», в пользу реконструкции, создавшей тип «(анти) Медеи» в 1990-е гг. и освободившей прозу от бинарных гендерных оппозиций [Чэнь Фан, 2007а, с. 87–112]. Лю Яюе положительно оценивает опыт парасексуального изображения отношений в произведении «Causal-2: пляска головой и ногами» Оксаны Робски, называет его достойным образцом для китайских писателей [Лю Яюе, 2014]. Похожей позиции придерживается Чжан Цзяньхуа: «Современная русская женская литература обнаруживает не борьбу за права и межполовой конфликт, а <...> утверждение субъектного статуса женщин в современном обществе» [Чжан Цзяньхуа, 2014б, с. 122]. Не случайной в этой связи видится высокая оценка китайским читателем творчества Л. Улицкой. В нем видят «положительную энергию»¹, которая проявляется в стремлении героев к гармонии (особенно в семейной жизни). «Положительная энергия» в «Сонечке», «Медее и ее детях», «Веселых похоронах», по мнению Дуань Лицзюнь, проявляется в образе семьи как хранительницы в нестабильном обществе душевной красоты и чистоты человека, вдохновляющей его на жизнь и счастье [Дуань Лицзюнь, 2001, с. 94]. Китайские ученые вычитывают в произведениях Улицкой своеобразный «message» постперестроечному обществу: главное условие развития общества – семья.

«Мягкий» вариант феминизма проявляется и в исследовании специфики «женского письма» русских писательниц. Для китайских ученых женское «интимное письмо» – способ деконструкции мужского логоцентризма и патриархальной культуры. По мнению Чэнь Фан, «повествование о женских телах занимает наибольшую долю в современной русской женской литературе» [Чэнь Фан, 2007б,

¹ «Положительная энергия» – выражение из китайской интернет-лексики. Оно означает «стремленность вперед, здоровый оптимизм, активная жизненная позиция».

с. 60], Чжан Цзяньхуа считает «интимное письмо» самым прямым способом женского говорения [Чжан Цзяньхуа, 2014б, с. 126]. Русисты избегают крайностей в оценке «интимного письма». Например, Чэнь Фан в монографии «Изучение современной русской женской прозы», анализируя описание половой близости в прозе В. Нарбиковой, приходит к выводу, что «она описывает половую любовь не ради нарушения традиции, а придает половой любви более глубокое значение. Она подчеркивает сочетание тела с духом, которое превосходит время и пространство» [Чэнь Фан, 2007б, с. 67].

Читательские установки китайских русистов

Национально-культурной рецептивной установкой китайского читателя является оценка преемственности как важного условия стабильности бытия, истории, нации. Это касается и литературы, в которой связь с традицией мыслится важнейшим критерием оценки явления. Китайские ученые отмечают, что современная женская литература продолжает реалистическую традицию повествования о социальном «дне», о жизни «маленького человека». Это в том числе объясняет интерес к ней, а также оценку как значимого явления в русской литературе. Дуань Лицзюань отмечает, что, несмотря на интерес женской прозы к личному пространству женщины, нарушивший традицию большого (мужского) стиля, она не сосредоточилась исключительно на бытовых мелочах. Описывая жизнь обычного человека, эта литература следует идеям гуманизма, реализма и социальной ответственности [Дуань Лицзюнь, 2006б].

Китайская русистика, на наш взгляд, находится в некотором смысле в гносеологически-аксиологической ловушке. С одной стороны, очевидно стремление к прояснению специфики и новизны русской женской литературы (в плане проблематики, героя, письма), с другой – наблюдается столь же очевидная «оглядка» на традицию, представленную «мужской» литературной линией, на ценность преемственности. Так, в «Интеграции русской и мировой литературы» Чжан Цзяньхуа пишет: «Мощная традиция русской социальной литературы позволяет русским писательницам брать на себя сознание социальной миссии и не ограничиваться “женским письмом”» [Чжан Цзяньхуа, 2014а, с. 38]. Осознанную спасительную миссию в творчестве Л. Улицкой Дин Сяоминь называет традиционной национальной установкой² [Дин Сяоминь, 2014, с. 49]. Китайские ученые отмечают двойственность героинь Улицкой, соединение в них мужской традиции и современных черт: традиционной добродетельности и сознания современных самостоятельных женщин [Инь Гуйсян, 2003, с. 104]. Чжан Цзяньхуа считает, что, «освобождаясь от традиционного мужского ракурса и критерия мировидения, Улицкая в романе “Медея и ее дети” утверждает значимость исторического предназначения женщин в аспекте продолжения жизни, спасения рода и преемственности национальной культуры» [Чжан Цзяньхуа, 2006, с. 57].

В новейшей монографии Чжан Цзяньхуа «Изучение русской прозы нового периода (1985–2015)» [2016] делается вывод о том, что отсутствие связи с западным феминистским движением обусловило миссию женщины-писателя как просветителя или спасителя, что сближает ее с «мужской» линией. Устойчивое по-

² Дин Сяоминь: «Русские считают, что они – нация, избранная Богом, они берут на себя миссию освободить другие нации. Русские не только заботятся и размышляют о прошлом и будущем своей нации, но и берут на себя миссию спасения всего мира» [Дин Сяоминь, 2014, с. 49].

ложение Л. Улицкой, Т. Толстой и Л. Петрушевской в литературном мейнстриме он объясняет подражанием мужскому письму (что проявляется в склонности к «гранд-повествованию», интересе к социально-нравственной проблематике, постмодернистскому письму, активно используемому именно писателями-мужчинами). Женская проза подчиняется, таким образом, мужскому литературному мейнстриму.

Сообщество китайских русистов с актуальными гносеологическими ориентирами, принципами отбора, интерпретации и оценки текстов может быть рассмотрено как «интерпретационное сообщество» (С. Фиш). В этом смысле состояние китайского литературоведения является составляющей рецептивной ситуации. С момента провозглашения политики «реформы и открытости» в 1978 г. китайское литературоведение заняло позицию открытости мировому теоретико-литературному опыту. Большое количество западных исследований переводится на китайский язык. Позиция открытости потребовала от китайских ученых готовности перестроить свои гносеологические установки (но не отказаться от них), сформированные позитивистской марксистской эстетикой. Этап увлечения западными теоретико-литературными концепциями, подражания им на рубеже XX–XXI вв. сменяется осознанием несамостоятельности. Цао Шуньчун поставил диагноз китайскому литературоведению: отсутствие метода, специфики, неспособность мыслить самостоятельно без опоры на западную теорию: «...китайская литература и литературоведение потеряли традицию и историю» [Цао Шуньчун, 2004, с. 121]. На наш взгляд, обращение к русскому литературоведению отчасти стало способом ослабить западное влияние. Выбор концепции М. Бахтина китайскими литературоведами представляется закономерным. Чэн Чжэнминь считает, что «концепция Бахтина обладает высоким человеческим достоинством, в его теории диалога, полифонии и карнализации мы ощущаем глубокий гуманитарный дух» [Чэн Чжэнминь, 2001, с. 150]. Ли Бинь считает, что теория литературы Бахтина, направленная изучение переходных культур, оказывается востребованной Китаем, переживающим переходные процессы, таким образом, она обладает высоким потенциалом для самопонимания, создания современной китайской теории литературы [Ли Бинь, 1998, с. 92].

Феминистская критика распространяется в Китае в начале 80-х гг. XX в. Переводятся «Второй пол» С. де Бовуар (пер. Сан Чжу, Нань Шань, 1986), «Политика пола» К. Миллетт (пер. Сун Вэньвэй, 2000). На 1990–2000-е гг. приходятся первые опыты использования феминистской теории литературы³. Вскоре китайские последователи феминистской критики осознали, что заимствование должно быть адаптированным к китайским реалиям, что должно возникнуть особое китайское феминистское литературоведение [Чэнь Хуайфэнь, 1996, с. 14]. Китайская феминистская критика менее категорична, неагрессивна. Она снимает момент должностования в гендерных ролях.

³ Монографии «Повествование и пол в современной китайской литературе» Чэнь Шуньсинь (Пекин, 1995), «Женская литература и эстетика» Жэнь Имин (Улумучи, 1995), «Равенство и развитие» Ли Сяоцзян (Шанхай, 1997). В 2004 г. Мэн Юе и Дай Цзиньхуа опубликовали монографию «Всплыть на поверхность Земли», в которой с точки зрения феминистской критики изучается история китайской женской литературы с 1919 до 1949 г. Авторы использовали комплексный подход (психологический, семиотический, нарратологический, деконструктивистский) в исследовании знаковых феминистских текстов.

Современная русская женская проза в исследованиях китайских русистов

Русская женская проза – сравнительно «молодой» объект изучения в китайской русистике. Первые исследования появляются в середине 1990-х гг. (в 1996 г. Чжоу Чичао написал статью «Нынешний пейзаж русской женской прозы»). Она стала первым исследованием, посвященным современной женской литературе). Это объясняет апелляцию к исследованиям русских литературоведов⁴, а также существующие до сих пор подходы к освоению нового материала: проблемно-тематический и персонажно-типологический. Русисты ищут «скрепы», позволяющие увидеть явление как целое, вычленив тенденции.

Тематический ракурс

В тематическом многообразии женской прозы китайские русисты выделяют тему выживания как доминирующую. Называются произведения Н. Горлановой и В. Букура «Роман воспитания», «Тургенев – сын Ахматовой», Г. Щербаковой «Косточка авокадо», Л. Петрушевской «Свой круг», «Время ночь», «Нюра прекрасная», «Выбор Зины», «Маленькая Грозная». Объединяя данные тексты разных жанров в одну тематическую группу, исследователи используют слово «отчаяние», характеризуя доминирующую эмоцию персонажей-женщин и рассказчиц. Так, Чжан Мэй замечает: «Чрезвычайно скромные условия жизни большинства населения вызвали глубокое, безнадежное отчаяние среди женщин; отчаяние – вот скрытое лицо современной русской женской прозы» [Чжан Мэй, 2012, с. 27].

Другая тема, которая помогает русистам «собрать» женскую прозу, – тема любви. Ученые видят два ее варианта: любовь-страдание и любовь плотская. В то же время китайским русистам свойственно акцентировать внимание на образе любви-гармонии, который присутствует в женской прозе, пусть даже в виде призрачной идеи, иллюзии. Чэнь Фан видит стремление к гармонии в любви, надежду на любовь в произведениях «Армия любовников» Г. Щербаковой и «Девятый день» Н. Горлановой. Она связывает это с верой в мужчин, с не полным разочарованием в них.

Тема семьи, традиционно значимая для китайской культуры, также вычленяется в русской женской литературе. Установка китайского читателя на образ семьи как гармоничное единство определяет прочтение женской прозы. Он особенно внимателен к изображению разрешенных семейных конфликтов, к редким примерам счастливых семей, которые находят силы выжить в социально не благополучных условиях. Так, по мнению Дуан Лицзюнь, «семья в изображении Улицкой всегда святая и счастливая. Семья защищает духовную свободу человека в нестабильном обществе и помогает людям стремиться к счастливой жизни» [Дуань Лицзюнь, 2006а, с. 93–94].

⁴ Ремизова М. Ответ знает только ветер // Октябрь. 2006. № 8; Скокова Т. Проза Л. Улицкой в контексте русского постмодернизма: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2010; Тимина С. Русская литература XX века в зеркале критики. М., 2011; Ровенская Т. Феномен женщины говорящей: проблема идентификации женской прозы 80–90-х годов // Женщины и культура. 1999. № 15; Ровенская Т. Женская проза конца 1980-х – начала 1990-х годов (Проблематика, ментальность, идентификация): Дис. ... канд. филол. наук. М., 2001; Гарбрильян Н. Ева – это значит жизнь: проблема пространства в современной русской женской прозе // Вопросы литературы. 1996. № 4.

Типология героев

Современная женская литература подвергает деконструкции образы женщин, созданные писателями-мужчинами. Вместо женщины – воплощения любви, нежности, доброты она рождает равнодушных, некрасивых, одиноких, жестоких, агрессивных героинь. В попытке осмыслить их китайские ученые предлагают разные номинации. Так, Дуань Лицзюнь называет героинь из «Поэта и музы» Т. Толстой, «Времени ночь», «Своего круга» Л. Петрушевской «сумасшедшими»: «Они больше не терпимая и добрая земля-мать, а “сумасшедшая карга”» [Дуань Лицзюнь, 2005, с. 66]. Чэнь Фан использует известное в русском литературоведении определение «новые амазонки»: «Они со всей страстью разбивают образы женщин, сложившиеся в традиционной культуре. Эти женщины пытаются создать новые образы путем отрицания самих себя для противодействия определению женщин, сложившемуся в концепциях мужчин» [Чэнь Фан, 2007а, с. 94]. По мнению Чэнь Фан, самым очевидным признаком «новой амазонки» является маскулинизация как проявление психической компенсации [Там же, с. 102]. В маскулинизации Чэнь Фан видит тенденцию избавления женской литературы от модели бинарных оппозиций, опасную, однако, потерей своего пола [Там же, с. 104]. Крайность этой тенденции воспринимается Чэнь Фан как любопытный факт, но не нужный для Китая опыт.

Другая крайность в женских образах – чрезмерная феминность – порождает тип «играющей женщины» (номинация Чэнь Фан), чрезмерно демонстрирующей страсть к жизни. Му Чжунхуай называет этих женщин «тип Али» (по имени героини романа «Искренне ваш Шурик»). К нему он относит и Ясю из повести «Сонечка» Л. Улицкой, полагая, что и Аля, и Яся рассматривают свой пол как способ достижения успеха. Мужчина для них – способ получить прописку, кольцо и т. п. [Му Чжунхуай, 2017, с. 132]

В классификации Му Чжунхуа выделяется «тип Татьянь» (по имени героини романа «Казус Кукоцкого»), в нем исследователь видит отсылку к традиционным женским образам (Маша из романа «Медя и ее дети», Ака из «Женщин в игре без правил»).

Третий тип женщины в женской литературе наиболее привлекателен для китайского читателя. Он близок традиции и представлен так называемыми «святыми». Дин Сяоминь видит присутствие такого типа женщин в произведениях Л. Улицкой (Медя, Сонечка, Елизавета Ивановна и др.). Чэнь Фан считает «святых» наиболее продуктивным типом героинь по сравнению с «новыми амазонками» и «играющими», поскольку они являются знаком вечной и чистой любви, удачной попыткой создания образа на границе традиции и современности [Чэнь Фан, 2007а]. Неагрессивные и мягкие, они получают одобрение и высокую оценку читателей. В этом предпочтении проявляется «мягкий» феминизм, а также традиционная китайская концепция «золотой середины».

Установка на важность преодоления оппозиции «мужское – женское», а также «мягкий» взгляд китайских читателей на женскую проблематику объясняют высокую оценку ими таких произведений, как «Щелчок» В. Токаревой [Чжан Цзяньхуа, 2014б, с. 124], «Медя и ее дети» Л. Улицкой [Дуань Лицзюнь, 2006б, с. 83]. В них видятся примеры благополучного разрешения гендерных конфликтов, описание парасексуальной гармонии.

Китайская русистика о поэтике «женской» прозы

Анализ исследований китайских русистов, посвященных женской прозе, позволил сделать вывод о том, что в подавляющем большинстве в них запечатлевается рецепция содержательного плана произведений: идеи, проблематика, концепция героя, конфликты. План поэтики затрагивается фрагментарно, зачастую повторяются наблюдения, сделанные русскими литературоведами. На этом фоне выделяются исследования Го Цзин «Творчество Л. Улицкой в контексте литературной стилистики» (2017), Ван Янь «Творчество Л. Петрушевской в контексте нарратологии» (2017).

Го Цзин, используя междисциплинарный подход (работая на стыке литературоведения и лингвистики), анализирует особенности стиля Л. Улицкой и приходит к выводу, что доминанта языка писательницы – краткость, простота, сдержанность и деликатность, которая проявляется в лексике и синтаксисе при описании внешности, психологического состояния героини, ее специфического женского опыта. В то же время метафора придает тексту Улицкой богатые значения [Го Цзин, 2017, с. 128]. Изучая произведения писательницы сравнительно-типологически, Го Цзин замечает повторяющуюся сюжетную модель: жизнь обыкновенная, стабильная взрывается случайным событием [Там же, с. 49].

Ван Янь выдвигает гипотезу: структура образа автора в произведениях Л. Петрушевской комплексна, динамична. Автор функционирует в связке с текстом и читателем, каждый элемент (автор, текст, читатель) предполагает наличие своего контекста. Контекст автора включает биографию писательницы и творческий путь, важными признаками которого являются черты «другой прозы», запечатлевающей жизнь будто на «магнитофон» [Ван Янь, 2017, с. 109].

Контекст текстов (иными словами, узнаваемые типологические черты прозы Л. Петрушевской) – это специфический язык («диалог в произведениях характеризуется смешанной грамматикой и смешными стилистическими отклонениями» [Там же, с. 117]), в котором проявляются измененные, смещенные и болезненные отношения между людьми» [Там же]. Еще одна типологическая текстовая черта – организация пространства: в произведениях писательницы обычно мы видим «замкнутое и узкое пространство, в некоторой степени это является сатирой на мужскую литературу, в которой обычно появляется Красная площадь, широкие проспекты, монументальные здания» [Там же, с. 123].

Русисты, исследующие поэтику произведений Л. Улицкой, обращают особое внимание на пространственно-временную организацию ее текстов. Они фиксируют ослабление течения времени, факты его непрямого выражения, что, по мнению Сунь Чао, должно подчеркивать нестабильность, трагичность, абсурдность социальных процессов [Сунь Чао, 2012, с. 208]. Дуань Лицзюнь в статье «Чистый и святой маленький человек: художественные особенности образа у Л. Улицкой» замечает: «...в произведениях Улицкой читатель может свободно конкретизировать время (так, события в «Сонечке» могли происходить как в период войны, так и в период сталинских репрессий), и это не будет влиять на целостность и суть сюжета. Автор снимает конкретику времени и места, потому что ему важна вечная истина жизни, ценность обыденной жизни» [Дуань Лицзюнь, 2001, с. 93].

Наблюдения над художественным пространством позволило Сунь Чао выявить некоторые типичные особенности прозы Улицкой: многие сюжеты начинают свое движение в закрытом пространстве, изолированном от внешнего мира (убогий московский дворик, коммуналка) [Сунь Чао, 2012, с. 212], что «подчеркивает прекрасные характеры героев, с достоинством переносящих жизненные муки,

показывает их стойкость перед ужасными жизненными ситуациями» [Сунь Чао, 2012, с. 213].

Наше исследование позволяет дать предварительные ответы на те проблемные вопросы, которые были озвучены в начале статьи. Интерес китайского читателя к русской женской литературе объясняется, во-первых, актуальностью для китайской русистики начала XXI в. потребностью в заполнении существующих лакун в истории русской литературы и недопущении новых, во-вторых, актуальностью «женского вопроса» в Китае на рубеже XX–XXI вв., в-третьих, ценностной близостью русской женской прозы китайскому читателю. Во многом изучение современной русской женской литературы определяют рецептивные установки китайских русистов. Установка на «мягкий» феминизм является, на наш взгляд, «ключом» к пониманию специфики китайского прочтения русской литературы. Ее присутствие обнаруживается в акценте на ценности человека и развитии социального сознания в женской литературе, в идее межполовой гармонии, в сохранении надежды на возможность счастливой любви, гармоничного межполового диалога, сочувствии к мужским персонажам. Другой установкой является поиск преемственности текстов писательниц с традицией.

Список литературы

Крылов В. Н. Литературная критика в функциональном аспекте // Филология и культура. 2012. № 1 (27). С. 114–117.

Крылов В. Н. Русская литературная критика. Проблемы теории, истории и методики изучения. М.: Флинта, 2019. 240 с.

Ван Янь. Сюйшисюе шицзяо ся лю битэлушэфусыкая цзопинь яньцзю [王燕. 叙事学视角下柳·彼特鲁舍夫斯卡娅作品研究. 北京: 北京大学出版社]. Творчество Л. Петрушевской в контексте нарратологии. Пекин: Бэйцзин дасюе чубаньшэ, 2017. 380 с.

Го Цзин. Вэньсюе сюйсысюе шицзяо ся дэ лю улищыкая цзопинь яньцзю [国晶. 文学修辞学视角下的柳·乌利茨卡娅作品研究. 北京: 北京大学出版社]. Творчество Л. Улицкой в контексте литературной стилистики. Пекин: Бэйцзин дасюе чубаньшэ, 2017. 221 с.

Дин Сяоминь. Людэмила улищыкая цзопинь чжун дэ элосы вэньхуа таньсюнь [丁晓敏. 柳德米拉·乌利茨卡娅作品中的俄罗斯文化探寻 // 临沂大学学报]. Поиск русской культуры в произведениях Л. Улицкой // Линьши дасюе сюебао. 2014. № 2. С. 46–49.

Дуань Лицзюнь. Дандай элосы нюйсин чжуи сяошо дуй цзиндянь вэньбэнь дэ сини [段丽君. 当代俄罗斯女性主义小说对经典文本的戏拟 // 当代外国文学]. Пародия на классические тексты в современных русских феминистских произведениях // Дандай вайго вэньсюе. 2006а. № 1. С. 93–99.

Дуань Лицзюнь. Дандай элосы нюйсин чжуи вэньсюе [段丽君. 当代俄罗斯女性主义文学 // 俄罗斯研究]. Современная русская феминистская литература // Элосы яньцзю. 2006б. № 1. С. 79–84.

Дуань Лицзюнь. Дандай элосы нюйсин чжуи сяошо дэ «фэнюйжэнь» синсян [段丽君. 当代俄罗斯女性主义小说的《疯女人》形象 // 南京社会科学]. Образ «сумашедших» в современной русской феминистской прозе // Наньцзин шэхуай кэсюе. 2005. № 2. С. 66–71.

Дуань Лицзюнь. Чуныцзе эр чунгао дэ «сяожэньбу» – шилунь элосы дандай нюйцзоцзя лю улицыкая дэ чуанцзо тэсэ [段丽君. 纯洁而崇高的“小人物” – 试论俄罗斯当代女作家柳·乌利茨卡娅的创作特色 // 当代外国文学]. Чистый и святой «маленький человек», особенности творчества Л. Улицкой // Дандай вайго вэньсюе. 2001. № 4. С. 91–96.

Инь Гуйсян. Чжуаньсин шичи элосы вэньсюе фачжань мяньмяньгуань [殷桂香. 转型时期俄罗斯文学发展面面观 // 复旦大学学报]. Все аспекты развития русской литературы в период перестройки // Фудань дасюе сюебао. 2003. № 2. С. 100–105.

Ли Бинь. Гонэй бахэтинь яньцзю шупин [李斌. 国内巴赫金研究述评 // 文艺理论研究]. Обзор изучения М. Бахтина в Китае // Вэньи лилунь яньцзю. 1998. № 4. С. 92–96.

Лю Яюе. Чжунэ дандай нюйсин сяошо чжун дэ лянсин гуаньси [刘雅悦. 中俄当代女性小说中的两性关系 // 鲁东大学学报]. Межполовые отношения в современной русской и китайской женской прозе // Лудун дасюе сюебао. 2014. № 4. С. 49–55.

Му Чжунхуай. Дандай элосы нюйсин вэньсюе чжун дэ синбе синсян лэйсин фэньси [穆重怀. 当代俄罗斯女性文学中的性别形象类型分析 // 辽宁大学学报]. Анализ типологии героев в современной русской женской литературе // Ляонин дасюе сюебао. 2017. № 6. С. 129–135.

Сунь Чао. Дандай элосы вэньсюе шиэ ся дэ улицыкая сяошо чуанцзо: чжути юй шисюе [孙超. 当代俄罗斯文学视野下的乌利茨卡娅小说创作: 主题与诗学. 北京: 北京大学出版社]. Тематика и поэтика творчества Л. Улицкой в контексте современной русской литературы. Пекин: Бэйцзин дасюе чубаньшэ, 2012. 250 с.

Те Нин. Мэйгуй мэнь [铁凝. 玫瑰门. 沈阳: 春风文艺出版社]. Дверь розы. Шэньян: Чуньфэн вэньи чубаньшэ, 2003. 543 с.

Цао Шуньчин. Чунцзянь чжунго вэньлунь дэ ю и юсяо туцзин: сифан вэньлунь дэ чжунгохуа [曹顺庆. 重建中国文论的又一有效途径: 西方文论的中国化 // 外国文学]. Эффективный способ воссоздания китайской теории литературы: китаизация западных теорий литературы // Вайго вэньсюе. 2004. № 5. С. 111–116.

Чжан Мэй. Цзовэй нюйсин вэньсюе дайбяо дэ та тоэрсыкая чуанцзо дэ шисюе тэчжэн [张美. 作为女性文学代表的塔·托尔斯泰娅创作的诗学特征: 硕士论文. 济南]. Поэтика творчества Татьяны Толстой как представителя женской прозы: Магист. дис. Цзинань, 2012.

Чжан Цзяньхуа. Чунсинь жунжу шицзе вэньсюе пуси дэ элосы вэньсюе [张建华. 重新融入世界文学谱系的俄罗斯文学 // 外国文学]. Интеграция русской и мировой литературы // Вайго вэньсюе. 2014а. № 2. С. 30–39.

Чжан Цзяньхуа. Дандай элосы дэ нюйсин чжуи юньдун юй вэньсюе дэ нюйсин суйши [张建华. 当代俄罗斯的女性主义运动与文学的女性叙事 // 解放军外国语学院学报]. Современное русское феминистское движение и женское повествование в литературе // Цзефанцзюнь вайгоуи сюеюань сюебао. 2014б. № 3. С. 118–127.

Чжан Цзяньхуа. Синь шичи элосы сяошо яньцзю (1985-2015) [张建华. 新时期俄罗斯小说研究 (1985–2015)]. 北京: 高等教育出版社. Изучение русской прозы нового периода (1985–2015). Пекин: Гаодэн цзяоюй чубаньшэ, 2016. 471 с.

Чжан Цзяньхуа. Элосы миньцзу лиши дэ вэньхуа сюньму – улицыкая чанпянь сяошо «Мэйдия юй та дэ хайцзымэнь» чжун дэ нюйсин хуайюй [张建华. 俄罗斯民族历史的文化寻母 – 乌利茨卡娅长篇小说《美狄亚与她的孩子们》中的女性话语 //

外国文学]. Женский дискурс в романе «Медея и ее дети» Л. Улицкой // Вайго вэньсюе. 2006. № 5. С. 54–61.

Чэн Чжэнминь. Бахэтинь дэ вэньхуа шисюе [程正民. 巴赫金的文化诗学. 北京: 北京师范大学出版社]. Культурная поэтика М. Бахтина. Пекин: Бэйцзин шифань дасюе чубаньшэ, 2001. 264 с.

Чэнь Фан. Дандай элосы нюйсин вэньсюе яньцзю [陈方(1). 当代俄罗斯女性文学研究. 北京: 中国人民大学出版社]. Изучение современной русской женской прозы. Пекин: Чжунго жэньминь дасюе чубаньшэ, 2007а.

Чэнь Фан. Элосы даньдай нюйсин цзоцзя чуанцзо чжун дэ шэньти сюйшу [陈方. 俄罗斯当代女性作家创作中的身体叙述 // 外国文学]. Телесное повествование в творчестве современных русских писательниц // Вайго вэньсюе. 2007б. № 2. С. 60–67.

Чэнь Хуайфэнь. Дандай чжунго нюйсин сецзо яньцзю [陈慧芬. 当代中国女性写作研究. 上海: 上海社会科学院出版社]. Современное китайское женское письмо. Шанхай: Шанхай шэхуай кэсюеюань чубаньшэ, 1996.

Чэнь Чжисун. Фанькан юй куньцзин – нюйсин чжуи вэньсюе пипин цзай чжунго [陈志红. 反抗与困境 – 女性主义文学批评在中国 // 暨南学报]. Сопро-тивление и трудности положения: феминистская литературная критика в Китае // Цзинань сюебао. 2005. № 27. С. 131–135.

References

Cao Shunqing. Chongjian zhongguo wenlun de you yi youxiao tujing [Effective way to recreate the Chinese theory of literature: Chineseization of Western literary theories]. *Waiguo wenxue*. 2012, no. 5, pp. 111–116.

Chen Fang (1). *Dangdai eluosi nvxing wenxue yanjiu* [Modern Russian female literature studies]. Beijing, Zhongguo renmin daxue chubanshe, 2007a.

Chen Fang (2). Eluosi dangdai nvxing zuojia chuanguo zhong de shenti xushu [Body narrative in literature by modern Russian female writers]. *Waiguo wenxue*. 2007, no. 2, pp. 60–67.

Chen Huifen. *Dangdai zhongguo nvxing xiezuoyanjiu* [Research of modern Chinese female writing]. Shanghai, Shanghai shehui kexue chubanshe, 1996.

Cheng Zhengmin. *Bahejin de wenhua shixue* [Bakhtin's cultural poetics]. Beijing, Beijing shifan daxue chubanshe, 2001, 264 p.

Chen Zhihong. Fankang yu kunjing – nvxing zhuyi wenxue piping zai zhongguo [Rebellion and dilemma – Feminist Literary Criticism in China]. *Jinan xuebao*. 2005, no. 27, pp. 131–135.

Ding Xiaomin. Liudemila Wulicikaya zuopin zhong de eluosi wenhua tanxun [Search for Russian culture in the works of L. Ulitskaya]. *Linyi daxue xuebao*. 2014, no. 2, pp. 46–49.

Duan Lijun. Chunjie er chonggao de “xiaorenwu” – shilun eluosi dangdai nvzuojia Liu Wulicikaya de chuanguo tese [Pure and lofty “little people” – creation features of Russian modern female writer Liu Ulitskaya]. *Dangdai waiguo wenxue*. 2001, no. 4, pp. 91–96.

Duan Lijun (1). Dangdai eluosi nvxing zhuyi xiaoshuo dui jingdian wenben de xini [Parody of classical texts in modern Russian female novels]. *Dangdai waiguo wenxue*. 2006, no. 1, pp. 93–99.

Duan Lijun (2). Dangdai eluosi nvxing zhuyi wenxue [Modern Russian female literature]. *Eluosi yanjiu*. 2006, no. 1, pp. 79–84.

Duan Lijun. Dangdai eluosi nvxing zhuyi xiaoshuo de “fengnvren” xingxiang [The Image of “Mad woman” in modern Russian female novels]. *Nanjing shehui kexue*. 2005, no. 2, pp. 66–71.

Guo Jing. *Wenxue xiucixue shijiao xia de Liu Wulicikaya zuopin yanjiu* [Creativity of L. Ulitskaya in the context of literary style]. Beijing, Beijing daxue chubanshe, 2017, 221 p.

Krylov V. N. Literaturnaya kritika v funktsional’nom aspekte [Literary criticism in functional aspect]. *Philology and culture*. 2012, no. 1(27), pp. 114–117.

Krylov V. N. *Russkaya literaturnaya kritika. Problemy teorii, istorii i metodiki izucheniya* [Russian literary criticism. Problems of theory, history and methods of study]. Moscow, Flinta, 2019, 240 p.

Li Bin. Guonei Bahejin yanjiu shuping [A review of Bakhtin studies in China]. *Wenyi lilun*. 1998, no. 4, pp. 92–96.

Liu Yayue. Zhongge dangdai nvxing xiaoshuo zhong de liangxing guanxi [Intersex relations in modern Russian and Chinese female prose]. *Ludong daxue xuebao*. 2014, no. 4, pp. 49–55.

Mu Zhonghuai. Dangdai eluosi nvxing wenxue zhong de xingbie xingxiang leixing fenxi [Analysis of the typology of heroes in modern Russian women’s literature]. *Liaoning daxue xuebao*. 2017, no. 6, pp. 129–135.

Sun Chao. *Dangdai eluosi wenxue shiye xia de Wulicikaya xiaoshuo chuanguo: zhuti yu shixue* [Topics and poetics of L. Ulitskaya’s work in the context of modern Russian literature]. Beijing, Beijing daxue chubanshe, 2012, 250 p.

Tie Ning. *Meigui men* [Rose gate]. Shenyang, Chunfeng wenyi chubanshe, 2003, 543 p.

Wang Yan. *Xushixue shijiao xia Liu Bitelushesfikaya zuopin yanjiu* [Creativity of L. Petrushevskaya in the context of narratology]. Beijing, Beijing daxue chubanshe, 2017, 380 p.

Yin Guixiang. Zhuanxing shiqi eluosi wenxue fazhan mianmianguan [Aspects of the development of Russian literature during the transition period]. *Fudan daxue xuebao*. 2003, no. 2, pp. 100–105.

Zhang Mei. *Zuowei nvxing wenxue daibiao de Ta Tuoersitaiya chuanguo de shixue tezheng* [Poetics of Tatiana Tolstoy’s creativity as a representative of female prose]. Magist. diss. Jinan, 2012.

Zhang Jianhua (1). Chongxin rongru shijie wenxue puxi de eluosi wenxue [Reintegration of Russian literature in the world literary genealogy]. *Waiguo wenxue*. 2014, no. 2, pp. 30–39.

Zhang Jianhua (2). Dangdai eluosi de nvxing zhuyi yundong yu wenxue de nvxing xushi [Feminist movement and female narrative in modern Russian literature]. *Jiefangjun waiguoyu xueyuan xuebao*. 2014, no. 3, pp. 118–127.

Zhang Jianhua. *Xin shiqi eluosi xiaoshuo yanjiu (1985–2015)* [Research on Russian novels in the new Period (1985–2015)]. Beijing, Gaodeng jiaoyu chubanshe, 2016, 471 p.

Zhang Jianhua. Eluosi minzu lishi de wenhua xuemu – Wulicikaya changpian xiaoshuo “Meidiya yu ta de haizimen” zhong de nvxing huayu [Cultural mother-seeking in Russian national history – Female discourse in Ulitskaya’s novel “Medea and her children”]. *Waiguo wenxue*. 2006, no. 5, pp. 54–61.

Сведения об авторах

Сюе Чжао – кандидат филологических наук, преподаватель факультета русского языка института иностранных языков Сычуаньского университета (Чэнду, Китай)

flc@scu.edu.cn

ORCID 0000-0001-6477-1072

Говорухина Юлия Анатольевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры журналистики и литературоведения Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия); профессор кафедры русского языка филологического факультета ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия» в г. Калининграде (Калининград, Россия)

yuliya_govoruhina@list.ru

ORCID 0000-0002-2675-5909

Information about the authors

Zhao Xue – PhD in Philology, Lecturer at the Russian Language Department, Institute of Foreign Languages, Sichuan University (Chengdu, China)

flc@scu.edu.cn

ORCID 0000-0001-6477-1072

Yuliya A. Govorukhina – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Journalism and Literary Studies, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation); Professor of the Department of Russian Language, Military Educational and Scientific Center “Naval Academy”, Branch in Kaliningrad (Kaliningrad, Russian Federation)

yuliya_govoruhina@list.ru

ORCID 0000-0002-2675-5909